

Владимир Казаков

Тревожный колокол

цикл: Лётчики (книга третья)

Владимир Казаков

Тревожный колокол

«Издательские решения»

Казаков В.

Тревожный колокол / В. Казаков — «Издательские решения»,

Тревожный колокол — это не только далеко разносимая печальная весть об аварии. Это голос человеческой тревоги, сигнал неблагополучия в нравственных отношениях между людьми. Авария служит поводом для раздумий и споров. Рассказывая о катастрофе с вертолетом, автор ставит серьезную нравственную проблему, связанную с критериями человеческих ценностей, с отношением человека к человеку.

© Казаков В.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
I	6
II	10
III	17
IV	24
V	27
VI	32
Глава вторая	35
VII	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Тревожный колокол

Цикл «Лётчики». Книга третья

Владимир Казаков

© Владимир Казаков, 2015

© Елена Бессонова, дизайн обложки, 2015

Редактор Елена Бессонова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Детям, посвящаю

Эту повесть написал мой дед – Казаков Владимир Борисович. Заслуженный лётчик испытатель, член Союза писателей СССР, автор 28 книг. Его уже нет с нами больше 10 лет. И все эти годы я и моя мама вспоминаем его добрым словом. Нам его очень не хватает.

Теперь я тоже автор 12 книг написанных для детей и член Российского союза писателей. Пришло время собирать камни. Всему приходит свой срок, и важно, чтобы любое дело было сделано вовремя. Я попыталась заново отредактировать эту повесть, чтобы она ожила и по-прежнему была интересна современному читателю. Теперь я принимаю ответственность за написанное на себя.

Елена Бессонова.

Глава первая

I

В комнате пахло сыростью. Свесив ноги под стол, Донсков лежал на гостиничной койке в костюме и смотрел в потолок, размалеванный по углам свежими водяными узорами. Извилистая лапка мокрого пятна над окном набухала очередной каплей. Сейчас она сорвется в заранее подставленную пепельницу... Упала, булькнув... Вторая... Десятая...

Вытянув руку, Донсков нащупал телефонный аппарат на тумбочке и поставил его на грудь. Вяло набрав номер, трубку притянул под ухо, попросил прогноз погоды на вторую половину дня. Ему зачитали, и – улетучилась последняя надежда на вылет.

– Кто спрашивал? – В скучающем женском голосе не чувствовалось любопытства, скорее всего вопрос был задан лишь для того, чтобы скоротать время, о чем-нибудь поговорить.

– Сначала отчеканили метеосводку, а теперь интересуетесь, кому она нужна?

– Чеканил робот моим голосом. А прогноз погоды по району, между прочим, никогда секретным не был. Вот так, молодой человек. Лететь-то куда собрались?

– В Нме.

– А-а... минуточку! – Сквозь дробь работающего телетайпа слышно, как в отдалении женщина говорит с кем-то. Потом взрыв смеха. Что-то коротко выдал баритон. Снова смех – залихватский, будто от щекотки. – Молодой человек, вам повезло, прилетел дикий...

У нее отняли трубку.

– Кто желает прокатиться в Нме? – спросил уже мужчина.

– Ваша фамилия Дикий?

– Да не-э, это девчатки дразнят нас так. Я Антон Богунец. А вы, наверное, Донсков? Владимир Максимович?

– Да.

– Вот хорошо. Погремушка готова. Через часик-полтора пришлю за вами. А пока глотайте пиво или обнимайте подушку.

Станный разговор...

Донсков повернулся на живот, как советовал ему баритон, обнял подушку. Плохо прополосканная гостиничная наволочка пахла дегтярным мылом.

Сюда, на Кольский полуостров, Донсков добирался пассажирским лайнером. Через иллюминатор разглядывал полуостров с любопытством мальчишки, впервые попавшего в Заполярье.

Лайнер шел под редкими перьями облаков, над которыми висело солнце, похожее на лимон, отороченный по краям белыми иглами. Взлетел он в Москве в теплом, благоухающем почками сиреневом мае, а через несколько часов окунулся в май снежный, знобкий, еще скованный льдом. В этом мае спутались день и ночь – серые сумерки зависли над взгорьями со скальными выходами, над лощинами с редким березняком и елью, над белыми ягельными проталинами, хотя по московскому времени уже наступила ночь...

В дверь негромко постучали. Донсков сел на койке.

– Войдите!

На пороге стоял сухощавый, дочерна загорелый летчик в потертой кожаной куртке и фуражке с гевеэфовским крабом, в темно-синих армейских бриджах и до блеска начищенных сапогах.

– Здравствуйте. Старший пилот-инспектор управления Воеводин. Иван Иванович, если желаете.

– Проходите, Иван Иванович. – Донсков подошел к гостю, пожал жесткую руку. – Мебели здесь не ахти – вы на стуле, я на койке.

– Мы попутчики. Я тоже в Нме. Хотя полетим со спасателем, у него летный минимум пятьдесят на пятьсот, но подождать придется. Погодная дурь густа очень. Не возражаете, если вместе подождем?

– Нас с вами, кажется, знакомили в управлении?

– На бегу. Заглядывал в кабинет начальника политотдела, когда он вас уговаривал. Убедил?

– По тону догадываюсь, что согласился я зря?

– Время покажет. У Комарова трудно работать замполитом¹.

– Все летчики нашей части учились где-нибудь, я тоже заочно три года в политической академии. Но это было давно. Уже и забыл. А в личном деле пометка осталась. Отказаться не мог, начальник политотдела сказал: «Надо!»

– Очень надо. Ваш предшественник от Комарова сбежал, а вернее, его забаллотировали.

– Как? Разве замполиты в Аэрофлоте выбираются? Что-то впервые об этом слышу.

– Назначаются, Владимир Максимович, назначаются, да только... Обо всем узнаете на месте... Не против, если из своей сумы я достану фляжку хорошего домашнего кваса? Давайте стакан... – И Воеводин из полевой армейской сумки вы тащил алюминиевую флягу.

Налив стакан и передав его Донскову, он с видимым удовольствием прихлебнул прямо из фляжки холодный, пенистый квас.

– Знаете, что такое ОСА?

Начальник политотдела информировал Донскова. Отдельная «Спасательная» авиаэскадрилья базируется в юго-восточной части полуострова, ближе к Баренцеву морю. Она выполняет и обычные работы авиации специального назначения: связь, почта, санитарные полеты, агитационные, перевозит грузы и людей на рудники. Но главное – она «Спасательная». Ее вертолеты – легкие и тяжелые – в шторм зависают над морем, в тумане пробиваются к отдельным саамским велсам, в гололед – к оленьим стадам; облака и ливень для них редко бывают преградой, шквальный ветер и метели не закрывают путь. Они идут туда, где человеку необходима помощь.

– Разные там были люди, – посасывая пахучую «Приму», окутанный табачным дымом, рассказывал Воеводин. – Слабые постепенно удирали, неумехи. Остались лихие, владеющие вертолетом. Не преувеличиваю, Владимир Максимович... И те, кто остались в ОСА, знают себе цену. Правда, встречается и самовлюбленные. С такими особенно туго нам, инспекторам по безопасности полетов.

– Ну, у вас-то рука железная, не нянькаетесь с нарушителями.

– Я тоже так думал... было дело, сняли с летной работы сразу двоих. А тут тревожный дуплет: в море сейнер обледенел, в тундре олени из-под корки льда корм добыть не могут. Пилотов не хватило. Тех, которые могли в такую погоду летать. Самых опытных из управления подключили. Инспекторов. Я полетел...

– Ну и как?

– А так: обледенел и упал с тюками сухого ягеля на шестидесятом километре от аэродрома. А ведь не один полет сделать надо было... Отколол я лед с антенн и посоветовал своему начальству по радиации тех двоих попросить, хоть на колени встать, а убедить подключиться к выполнению задания.

– Согласились вернуться?

– Пятьдесят два полета за трое суток сделали, почти без отдыха и без единой вынужденной посадки. Опыт, Владимир Максимович.

---

¹ замполитом – заместитель командира по политической части

– Так это Комаровцев «дикими» зовут?

– Приклеили ярлык те, кто завидует их славе и заработкам. От одного из моих инспекторов пошло... Есть в ОСА командир звена Батурин Николай Петрович. Интересная личность. На таких, как он, опирайтесь...

Затрещал телефон. Воеводин взял трубку.

Слушая разговор, Донсков понял: разрешили вылет. Заглянул в окно – погода оставляла желать лучшего.

– По коням, Иван Иванович?

– Да, поторопимся!

* * *

Вертолет, повернутый носом на юго-восток, шел низко над землей, оставляя за собой редкие поселки, энергетические узлы воспетых ЛЭП-500, рудники с нитками одноколейных дорог.

Он летел и нес нового замполита туда, где редкие, почти незаметные для глаза тропы пунктирили горную тундру и исчезали в лесах. Потом голь. Мелькнул черным конусочком шалаш пастуха, рассыпалось от гула плотное стадо оленей. В сиротливой, как островок, сосновой рощице увидел Донсков медведя-шатуна. А может быть, показалось. И снова... целинная тундра.

В грузовой кабине кроме Донскова с Воеводиным сидела девушка, Наташа Луговая, – их познакомили на аэродроме перед вылетом, – да из люка пилотской кабины торчали, опираясь на дюралевую лесенку, ноги бортмеханика в огромных желтых ботинках. Луговая, как и Донсков, добиралась к новому месту работы в Нме. Даже в теплой меховой куртке Луговая выглядела худенькой; ноги тонкие, но красивые, будто точеные.

– Как переводится слово Нме? – прокричал на ухо Воеводину Донсков. Тот, тоже преодолевая грохот мотора и визг трансмиссии, ответил:

– Не знаю. Шутят так: «Неизвестное место для нормальных людей». Городок на карте не обозначен. На полетных ставим просто точку.

Примерно за полчаса до посадки неожиданно взъярился ветер, стал нещадно бить вертолет. Левый борт в мгновение залип фарфоровым льдом.

– Обычная шутка полярного неба! – прокричал Воеводин и задымил очередной «Примой».

Наташа Луговая, поморщившись, отодвинулась от него к самому хвосту.

Вертолет стал крупно подрагивать, усилился рев двигателя.

– Не разумнее ли прекратить полет? – спросил Донсков, чувствуя, что машина потяжелела ото льда.

Воеводин тронул бортмеханика за ногу. Тот спустился с лесенки. Они о чем-то переговори, по очереди подставляя ухо друг другу.

– Дотянем! – плюхнувшись на сиденье, прокричал Воеводин. – Осталось немного, а в Нме бьет колокол.

Донсков не понял смысла последних слов, но расспрашивать не стал, больно уж сильно трясло, гудело и гремело в кабине.

«Погремушка!» – вспомнился телефонный диалог с командиром вертолета.

Последние километры летели будто на вибростенде. Землю закрыла сизая метель. Наконец под вертолетом неярко обозначился аэродром – большой темный квадрат, разделенный пополам серой взлетной полосой. С северной части летного поля к бетонке рулил большой самолет с огненно-красными крыльями. На южной – в беспорядке, носами в разные стороны, прижались к земле вертолеты разных типов. Несколько деревянных и кирпичных домов

серыми брусочками лежали на восточной окраине поля. А дальше, в сосновом бору, угадывался жилой поселок с церковью посередине. Вот и – Нме.

Вертолет пересек посадочную полосу, осторожно проплыл над вращающейся антенной радиолокатора и опустился на стоянку.

Донскова никто не встретил. Воеводин помог ему и Луговой вытащить из кабины тяжелые чемоданы и торопливо ушел. Командир вертолета, второй пилот и бортмеханик побежали к городку, не сказав новому замполиту ни слова.

Донсков с Луговой стояли в недоумении. Гостеприимство в Нме явно отсутствовало, хотя на аэродроме было много людей.

– Что будем делать?

Луговая состроила гримасу, пожала плечами. И Донсков направился к одной из наиболее шумных групп авиамехаников. Подошел, закурил «в рукав». Не ввязываясь в разговор, узнал: в городке тревога. Какое-то судно «тоскует», просит помощи. Через несколько минут услышал протяжные звуки колокола. Невольно насторожился. Откуда? Зачем?.. Пять ударов. Помолчав, колокол опять бухнул пять раз.

На бензовозе приехал бортмеханик, поставил мокрые чемоданы пассажиров в кабину к шоферу, сказал приветливо:

– А мы пешочком! Начальству сейчас некогда, оно извиняется, так что переночуете у меня. Жинка горячие пельмени для закусона уже готовит...

II

Колокол звонил в Нме не зря. Радиооператоры «Спасательной» услышали сигнал буксира «Крепкий»: *«Хода не имею. Регулярную связь поддерживать не могу. Дрейфую на скалы острова Кильдин».*

Над городком Нме поплыл колокольный звон. Сначала два громких размеренных удара, потом – звонкая тревожная чечетка. Два удара и – набат, будто град по певучей меди.

Два удара имели точный адрес: в штаб эскадрильи, по тревоге, где бы он ни был – на охоте, рыбалке, в постели, – вызывался воздушный разведчик погоды Федор Руссов и его экипаж.

И пока он спешил к штабу, расположенному в бывшей православной церкви, мощная антенна на облезлом, когда-то золоченом куполе передавала в город доклад командира; «Спасательной»: *«Из квадрата 36 принят сигнал бедствия. Вылетаю с разведчиком погоды. Думаю использовать звено тяжелых. Разрешите применить в операции последний разработанный вариант. Комаров».*

«Ориентируйтесь по обстановке. Ответственность ваша», – ответили из города.

Длинный самолет со скошенными назад красными крыльями, посвистывая турбинами, вырулил на старт. Стремительная форма с мягкими обводами фюзеляжа, застекленная кабина стрелка-радиста на хвосте, звезды на киле вместо аэрофлотского знака выдавали машину военную, строевую. Но вооружение на ней было полностью демонтировано, а вместо него поставлены метеорологические приборы и стенды для разведки погодных условий полета, для автоматической передачи температуры, давления, влажности воздуха и других: свойств атмосферы на землю. Обилие антенн, длинных и коротких прутковых приемников делали дюралевую обшивку самолета похожей на шкуру сильно облысевшего ежа.

В кабине, скучно поглядывая на мокрую бетонку и жухло-красный глазок светофора у стартового пункта, сидели в креслах Федор Руссов и Комаров, на штурманском месте работала с навигационным планшетом флаг-штурман метеоролог Галина Лехнова, женщина крупная, с лицом по-русски красивым и выразительным. Шквальный ветер свистел, обтекая крылья; звон проволочных антенн усиливался гулким фюзеляжем. Ветер давил на низкие, круто замешенные снегом тучи и еле тащил их, тяжелые, над серой, блеклой равниной аэродрома. Мгла висела за бортом самолета.

В льдистом тумане, как тень, пересек бетонку вертолет.

– Богунец из города, – сказал Руссов.

– Ноль восьмой, чего везешь? – спросил по радио Комаров.

– Сплошной дефицит: два ящика детских сосок, дивчину, инспектора и замполита, – прозвучало в наушниках. – А кто интересуется?

– О пассажирах позаботься. Конец связи, я первый! – сухо ответил Комаров.

Неспокоен в кресле пилота Руссов – ждёт не дождётся, когда мгла откроет шестой красно-белый бакен на кромке взлетной полосы. Ждёт когда можно будет не торопясь подать вперед рычаги управления турбинами и слушать, как свист густеет, набирает силу. будто медленно открывается ревушая пасть огромного зверя. А потом...

– Федя, вынь шило из парашюта, удобнее сидеть будет! – улыбнулся пилоту Комаров.

Руссов покосился на улыбающегося комэска², ничего не ответил на шутку, прилепил широкие ладони к коленям и замер. Снова посмотрел на Комарова и про себя в который раз подивился худобе своего командира. Кости плеч, будто вешалки для кожаной куртки. Сидит, острыми коленями подпирает подбородок с окладистой пышной бородой.

---

² комэск – командир эскадрильи

- Радиобуй не забыли?
- Заряжен и проверен. В бомболюке, – ответила комэску Лехнова. Увидев на светофоре блеск огня, Руссов воскликнул:
- Сейчас зеленый!
- Пока желтый, – тихо ответил по СПУ³ Комаров. – Не торопись... Вот теперь взлетай. Под рев турбин дрожащая бетонка оттолкнула самолет, и он круто полез вверх.
- А через несколько минут, оторвав взгляд от экрана метеолокатора Лехнова предупредила о грозе.
- В наших широтах? – усомнился Руссов. – В сто лет раз!
- И все же впереди грозовая туча. Если будем обходить, цель под нами откроется позже на двадцать восемь-тридцать минут, – подсчитала Лехнова.
- А кто это нам назначил время выхода? – спросил Руссов.
- Беда назначила... – тихо ответил Комаров.
- Обойдем, Батя?
- Вперед! Вы не возражаете, Галина Терентьевна?
- Нет, но очень боюсь.
- Я тоже.

Самолет срезал первый бок облака. Потом вошел в следующее, мощное, и вроде бы остановился в грязно-молочном крошewe. Быстро темнело вокруг. На экране пеленгатора гроз часто замигал яркий острый лучик. Комаров ощупал замки привязных ремней.

Кабину ослепила мокрая ночь. Самолет вздрогнул еще раз и затрясся, загромыхал. Длинные голубые искры лизнули фонарь пилотской кабины, разбежались по металлическим переplётам, и на концах крыльев, казавшихся чёрными, замерцали короткие кроваво-голубые сполохи. Светящиеся капли стекали к законцовкам консолей⁴, там собирались в яркий комок и отскакивали белыми искрящимися пучками.

Федор Руссов крутил непослушный штурвал, стараясь выдержать курс, и ему казалось, что скрипят не дюралевые ребра машины, а его собственные. Струйки пота вырвались из-под шлемофона, поползли по черным бровям. Комаров потянулся к нему, вытер платком пот. Руссов благодарно кивнул, но не обернулся: взгляд прилип и не мог оторваться от приборов.

Вверху, на правой стороне кабины, вспыхнула красная лампочка, в наушниках зазуммело. Тон звука быстро поднялся до свиста.

– Тысяча вольт на сантиметр! – повернув бледнеющее лицо к пилотам, закричала Лехнова и указала пальцем на мерцающие крылья.

Самолет ударила лавина капельной воды и кристаллического льда, то черная, то ярко-белая, как взрыв. Что-то треснуло под приборной доской, и в кабине резко запахло озоном.

Руссов ни разу в жизни не проходил мощного грозового облака, но понимал, что положение аховое. Их шестидесятитонный разведчик для такой стихии просто игрушка. Машина может вызвать на себя концентрированный удар молнии, и тогда... Комаров опять хотел стереть горячую липкую водицу со смуглого, окаменевшего лица Руссова, но их тела рванулись вверх, привязные ремни больно обжали плечи, не дав повиснуть под потолком кабины.

Секунды падения быстро пожирала высоту. Удержать машину не было сил. Волчком крутился силуэт самолета под стеклом авиагоризонта, и штурвал, выламывая руки пилотов, бился об упоры. Голубые огни слизнуло с консолей. Захлебнулся вой грозомера в наушниках. Руссов падал с чувством обреченности, как падают в пропасть во сне.

– Правый остановился. Запускай! – услышал он глухой, какой-то нереальный голос Комарова и, подчиняясь ему, не осмысленно, автоматически потянулся к кнопке запуска двигателя.

---

³ СПУ – самолетное переговорное устройство.

⁴ консоль – крыла часть крыла от его конца до фюзеляжа.

Самолет ударился о восходящий поток воздуха и, будто всхлипнув от напряжения, резко рванулся вверх. Руссову казалось, что он превращает в блин подушку сиденья. Тяжелая голова ушла в плечи, потекло серое, черное время...

Потом что-то царапнуло его лицо. Приоткрыв глаза, он увидел перед носом платок, голубой в желтую крапинку, твердые пальцы зажимали и отпускали ноздри, будто предлагая высморкаться. С негодованием оттолкнул руку Комарова, укоризненно посмотрел в его смеющиеся глаза.

– Отвык ты, богатырь, от перегрузок. – Комаров платком вытер свой мокрый лоб. – В сон тебя бросает и слезу выжимает .... Глянь, каким молодцом Галина Терентьевна держится!

Лехнова без кровинки в лице потрясла головой, будто стряхивая одурь, и попыталась улыбнуться бодро:

– Вышли на боевой курс, мужики!

Самолет выбросило в воронку хорошей погоды, предсказанной синоптиками. В циклонической пляске над точкой низкого атмосферного давления закрутились холодные ветры Баренцева моря. Чем выше, тем неистовее ветер, шире пробитый в непогоде круг. А в горле воздушной воронки, диаметром миль пятьдесят, сизый, бурлящий волноворот. В нем – белый плот-мишень и черная, глянцева от воды коробка буксира.

Почти отвесно упал к морю самолет и на бреющем полете несколько раз прошел рядом с судном. «Крепкий» потерял радиоголос, и с открытого капитанского мостика привязанный к ажурным перилам матрос репетовал флажками: *«Нуждаюсь в медицинской помощи!»*

– Галина, бросай буй!

– Есть! – быстро ответила Лехнова.

Из раскрытых створок бомболюка выпал в море радиобуй. Похожий на обтекаемую торпеду, он почти без всплеска врезался в белый гребень волны. На втором заходе летчики увидели, как его красная головка ныряет среди волн.

– Слышно? – спросил Комаров.

– Радиобуй начал подавать сигналы, – доложила Лехнова и показала на ожившую стрелку второго радиокompаса. – Сильный, хороший сигнал, вертолеты смогут поймать его километров за семьдесят.

– А пройдут по ветру? – усомнился Комаров.

– Над буксиром не более двадцати пяти, а по маршруту самописцы зафиксировали до сорока метров в секунду, товарищ командир.

– Домой!.. После посадки вам отдыхать.

– Миха-алыч! – укоризненно протянула Лехнова.

– Я сказал, Галина Терентьевна: отдыхать!.. Передайте на базу: «Колокол всем».

* * *

Час спустя перед Комаровым сидели пилоты, выжидательно глядя на командира.. А он не видел их глаз, Думал: «Сколько буксиру осталось до зоны подводных камней?»

Рядом с Комаровым, в мягком кресле, – старший инспектор-пилот Воеводин. Он внимателен и настрожен, как представитель высшего руководства.

Минуту назад командир спросил: «Кто?»

Короткий вопрос не требовал пояснения: в ажурные оконные переплеты церкви бил штормовой ветер, от особенно злых ударов скрипела деревянная колокольня. В такую погоду все инструкции предписывают категорически: сиди и не рыпайся! Но для опытных и сильных есть щелочка в жестких правилах – это параграф о стихийном бедствии. На усмотрение командира он разрешает риск в любых условиях. Он иногда единственная надежда для попавших в беду. По этому параграфу поднимаются в небо только добровольцы. Комаров и спросил:

– Кто?

С мест поднялись все. Стояли, пока командир не встретился с каждым из них взглядов, тебе окладистую бороду. Движением руки предложил сесть.

Теперь Комаров решал, кого выбирать. Каждый из них мастер по-своему. Один умеет найти дорожку в кромешной тьме, но пасует в тумане. Другие могут сесть в лесной колодец, не оцарапавшись о деревья, даже если от концов лопастей винта до веток остаются дюймы, но над беспокойным морем их подводит глубинный глазомер. Вот тот, кареглазый, всем хорош, но у него двое малышей. Может быть, Богунец? Отдохнул ли он после недавнего полета?

– Богунец.

Вскочил стройный щеголеватый парень.

– Готов!

– Николай Петрович. – Тут Комаров еле заметно улыбнулся.

Чуть приподнялся и сел, блеснув седоватыми висками, командир звена Батулин.

Помедлив, Комаров назвал третьего:

– Руссов.

Встал и Руссов, его голова почти уперлась в низкий потолок комнаты предполетной подготовки.

Воеводин забеспокоился.

«И Богунец и Руссов только что вернулись из тяжелых полетов. Может быть, слетать мне?» – написал он на вырванном из блокнота листке и подсунул его Комарову.

Взяв у инспектора авторучку, командир эскадрильи черкнул на том же листке: «Решаю я!»

– Названные экипажи остаются, остальные свободны. Не расползаться, всем быть в готовности «три», – сказал Комаров и нажал кнопку селектора. – Жду из управления ответ на повторную телеграмму!

Один за другим пилоты-«запасники» вышли из комнаты.

– Принимайте, – ответили с телетайпа. – В силе ответ на первый запрос.

Мудрят в городе. «*Ответственность ваша*» – первый ответ. И нет в нем словечка «согласен» или «одобряю». Вот так всегда. А потом участливо спрашивают: «Что-то ты похудел и пожелтел, дорогой Михаил Михайлович?» Знают, о чем сегодня идет речь: действовать надо по новому спасательному варианту, о котором он говорил и писал еще полгода назад в научном журнале. И все как в песок. Похвалить – похвалили, отработать с летчиками как следует не дали, а сейчас прижало, и надо играть с листа!

– Первый! – пробасил висящий на стене динамик голосом диспетчера. – Чувствую, у буксира туго. Торопитесь!

– Ну? – повернулся комэск к Воеводину.

Инспектор вынул из кармана листочек, развернул его и ногтем подчеркнул слова Комарова: «Решаю я!»

– Спасибо, Иван Иванович! – изобразив улыбку, наклонил голову комэск.

– На здоровье, Михаил Михайлович! – преувеличенно низко поклонился Воеводин и порвал бумажку на клочки.

– Ладно, пошли, товарищи, на аэродром! Предполетную подготовку проведем около машин, – тихо сказал Комаров оставшимся летчикам...

* * *

Три тяжелых вертолета повел за собой Комаров. Он не пошел прямо, по пеленгу радиобуя, а пробирался между облаками и землей, обходя сопки и леса, над которыми ветер терзал клочковатые тучи, крутил мокрое крошево из снега, старых листьев и перегоревшего мха. Вер-

толеты держали постоянный крен к ветру, поэтому казалось, что летят они боком, то проваливаясь, то взмывая друг над другом. Но даже над ровной тундрой ветер швырял вертолеты в стороны, бил в борта сильно и глухо, как штормовая волна в скулу корабля. Железные машины дрожали в ознобе.

От сильной болтанки второму пилоту Комарова стало дурно. Комаров посмотрел на его позеленевшее лицо, потом на себя в бортовое зеркало: щеки и губы отплясывают ритмический танец. Увел взгляд, посмотрел, как мотается перчатка на срезе приборной доски, – вот-вот упадет. Кабина наполнена звоном слабо прикрученной панели, бряцанием какой-то железки о дюралевый пол. Все это смешалось с треском эфира в наушниках, с воем двигателей.

– Где вы? – запросила земля. – На локаторе пропали всплески.

– Топаем впритирку к земле. Сильный мордотык, и качает приятно, як в люльке! – ответил Богунец.

Земля тяжело вздохнула:

– Поздравляю... Ничего, други, держите крепче штурвал за рога!

Через час полета у Комарова заныл коренной зуб. В последнее время боль мучила его почти в каждом тяжелом полете. «Нервы ни к черту стали!» Он старался отвлечься работой, но боль не проходила и уже тупо билась в виске около правого глаза.

– Не сходите близко! – передал он ведомым, чувствуя, как от усталости притупляется чувство реального, опасно расслабляется организм.

Комаров расстегнул воротник, и в кабине запахло потом и еще чем-то необъяснимым, вроде бы запахом перекаленного железа. Краем глаза увидел знакомое: на запястьях второго пилота поднялись белесые волоски. Они будут стоять жесткой щетиной, пока не ослабнет напряжение кожи, пока сильно утомленный, но упрямый пилот не отпустит штурвал.

– Давай я поведу, – сказал Комаров, хлопнув молодого летчика по плечу.

Тот посмотрел на комэска с благодарностью, но отказался.

– Отдохни! – уже приказал Комаров...

Наконец вертолеты пробились в «воронку хорошей погоды». Здесь ветер почти вдвое умерил свою ярость.

– Пройдите мимо, я на вас полюбуюсь!

Три вертолета, колыхаясь, медленно проплыли рядом с машиной Комарова, и он их внимательно осмотрел. У Богунца, наверное от соприкосновения с землей на большой скорости, вышибло из обода покрышку левого колеса. «Растяпа!»

– Как чувствуете себя, Богунец?

– Нормально.

– Корабль все видите?

– Вижу! – как эхо прокатилось трижды.

Волны швыряли буксир, брызги их доходили до клотика, гнали судно с плотом на камни Кильдинского зуба. Не больше мили осталось до берега.

Комаров понимал, что успех «Спасательной» операции мало зависит от его команд и личных действий. Вроде бы все обговорено на земле, но если кто-нибудь расслабится на миг, проморгает порыв ветра, вертолет ударит о судно. Упадет он в море, не выплывет, не выловишь. А их четверо в каждой машине. Можно только заменить, завершить дело, возвратиться домой и собирать узелок с бельишком и хлебом да уповать на негрозный суд.

«Высоки мачты и бортовые краны... отставить, ребята!» – думал Комаров и, помяв пальцами влажную бороду, сказал:

– Доложить готовность!

Связав взглядом судно с торчащей из моря скалой острова Кильдин, определил – даже с плотом, который держит «Крепкий», как плавучий якорь, буксир покрывает десять миль в час, а до камней меньше мили.

– «Капитан», начинай... Если какой рыжий промахнется – уши надеру!

Вертолет Батурина пошел вниз. При довороте матово блеснуло стекло иллюминатора. Он уже около самой высокой мачты – море размахивает ею, как огромной дубиной. Качка судна бортовая и килевая, и верхушка мачты описывает неровный эллипс. На несколько секунд вертолет замирает – пилот разглядывает границы опасной зоны.

Но вот он поворачивает машину хвостом к судну и пятится к палубе.

«Отшибёт ему хвостовую балку! – волнуется Комаров, хотя понимает, что висеть можно только носом против ветра, поэтому Батурин и подбирается к корме судна задом да еще снизился до середины мачты, где размах «дубины» меньше.

Раскаленные моторные патрубки вертолета окатила волна, и они взорвались клубами пара.

Из двери вертолета вниз поползла плетеная люлька с врачом. Трос вытравлен пока метра на три, а ветер уже подхватил и начал мотать скукожившегося в люльке человека. Если маятник коснется борта судна – врача разобьет.

Батурин изловчился и опустил машину в тот миг, когда люлька пролетала над центром кормы. На корму, связанные друг с другом, как альпинисты, выскочили несколько матросов и, поймав люльку, вытряхнули из нее врача головой вниз. Вертолет, накренившись, ушел в сторону. Бортмеханики Богунца и Руссова выбросили за борт концы толстых капроновых веревок. Батурин встал в одну линию с ними и тоже выбросил канат. На обрезе канатов полотняные красные конуса и свинцовые гири. Ветер мгновенно надул конуса и вытравил с барабанов лебедок канаты на всю длину. Теперь от каждого вертолета в сторону корабля тянулось тонкое большое щупальце с красной присоской.

Машина Батурина пошла к пляшущему на волнах судну левым бортом, щупальце коснулось палубы «Крепкого», его схватили матросы и закрепили на носу. Вертолет через мачты отнесло в подветренную сторону, и он повис высоко за кормой, как воздушный буюк.

К судну, дергаясь, подходил вертолет Богунца. Метр – заминка, метр – заминка. И вдруг будто кто-то невидимый надавил на корабль, вертолет и море сверху. Вода прогнулась, вздымаясь с одного края могучим пенным валом. Накренившийся корабль понес стрелу носового крана навстречу скакнувшему вниз вертолету... Комаров закрыл глаза... Распахнув облитые потом веки, увидел, как матросы подхватили конец нейлонового каната, а в фюзеляже вертолета зияет рваная дыра.

– Как дела, Художник? – хрипло выдавил он.

– Нормально, сквознячком только потягивает, – деланно спокойно ответил Богунец.

Руссов сработал с канатом четко, зависнув перед носом судна.

– Молодец, Кроха, – похвалил его Комаров. – Теперь, братцы, выстраивайтесь перед кораблем. Вторым пилотам руки на штурвал! Внимание... Медленно, медленно выбрать слабину... Хорошо, ребята!

Канаты натянулись. Вертолеты разошлись в стороны и зависли всеором перед кораблем. С кормы в море упал стальной трос, соединяющий «Крепкий» с плотом. Теперь судну не нужен был плавучий якорь, уменьшавший скорость дрейфа. Теперь он мешал.

– Помалу вперед!

Вертолеты, опустив носы, тянули корабль в сторону от острова Кильдин. Их доставали брызги от волн, лоснили борта. Парили раскаленные патрубки.

Брошенный плот дыбился, перебрасывая через себя водяные бугры, нырял в них. Комаров, снизившись, с сожалением рассматривал брошенный плот. Через несколько минут он войдет в белую зону бурунов, и подводные камни взрежут его понтоны.

Мощные вертолеты цугом тащили «Крепкий». На клотиках вертелись желтые моргалки: *«Осторожно, не имею собственного хода».*

В радионаушниках у пилотов раздался тяжелый вздох. Кто из спасателей облегчил душу? Может быть, это опять вздохнула земля...

III

Новичков принимают по-разному: одних равнодушно, будто работал человек тут и раньше, потом уехал куда-то и снова вернулся, другие вызывают интерес: «кто?», «откуда?» и – главное – «зачем?». Эти вопросы Владимиру Максимовичу Донскову задавали любопытный бортмеханик и его жена, у которых пришлось заночевать в день прилета.

На следующий день, когда Донсков появился на пороге кабинета инспектора по кадрам, тот принял его как-то суетливо.

– Садитесь, пожалуйста! – поспешно сказал он и покрепче водрузил на носу внушительные роговые очки. Перебирая листочки новенькой трудовой книжки, задавал вопросы, не оставляя времени на ответы.

– Тэк-с! Из армии вы ушли по собственному желанию? И из теплого местечка в Азии решили перебраться в неуютную тундру? Наверное, у вас есть друзья в Главном управлении? Не хотелось ехать в нашу тундру?

– Наоборот, с удовольствием, – успел встать Донсков.

– Тэк-с! Семейное положение? – Кадровик приблизил очки к паспорту, поднял его, посмотрел листочки на просвет. – Неужели холост? В ваши-то годы? Извините за вопрос, но мы вынуждены стоять на страже интересов покинутых детей.

– Не знаю, как величать...

– Ожников. Инспектор по кадрам. Ефим Григорьевич Ожников. К вашим услугам. Извините, запямятовал представиться раньше.

– У меня жена и двое детей-малышей, Ефим Григорьевич. Паспорт получал в Москве в темпе, а свидетельство о браке и рождении детей захватить с собой не догадался.

– Думаете вызывать жену или пока отдохнете, так сказать, холостяком? – Искорки мелькнули в глазах Ожникова. Искорки синеватые по черному. Он поспешил погасить это короткое замыкание, опустив веки.

Приоткрылась дверь, в проеме показалось румянее мило видное лицо Наташи Луговой. Улыбка образовала ямочки на ее щеках, крупные синие глазищи смотрели вопросительно.

– Входите, входите! – позвал Ожников и сделал удивленную мину, когда Наташа поздоровалась с Донсковым. – Вы знакомы?

– Вместе летели из Города сюда. Девушка претендует на пилотское кресло.

– Не претендует, а назначена! Женщин-пилотов у вас не жалуют? – с вызовом спросила Наташа.

– Что вы, сестричкам всегда рады, – улыбнулся Ожников. – Вы здесь не одиноки, извините, я имею в виду штурмана Лехнову.

– Вот мои документы. – Наташа вынула из небольшого портфеля пачку бумаг и положила их перед кадровиком.

«Фифа! Зазнайка», – подумал с неприязнью Ожников, а предложил ласково:

– Присаживайтесь, милая. Владимир Максимович, вы можете подождать несколько минут, а потом все вместе отправимся к командиру? Кстати, так и не ответили на вопрос о семье.

– Если дадут жилье, где можно разместиться четверым, привезу всех.

– Отлично!.. Товарищ пилотесса, посмотрим ваши анкеты, паспорт и тэ дэ...

Пока Ожников интересовался Луговой, заводил на нее «личное дело», Донсков незаметно приглядывался к нему. В общем-то, рассмотреть можно было только расплывшийся в ноздрях длинный и мягкий нос да верхнюю тонкую губу. Большая часть лица пряталась за массивными очками, клинообразной ухоженной седой бородой, слившейся с пушистыми

баками и густой волнистой шевелюрой. Бородатых в Нме Донсков видел уже много и узнал, что густая растительность на лице – лучшая защита от комаров.

Донскову почему-то стало скучно, и он стал рассматривать комнату. Стол хозяина кабинета, шкафы с папками, полки – все из полированной карельской березы. На столе стояла искусно вырезанная из дерева статуэтка девушки-саами. На полу цветная дорожка. Стены до половины фанерованы и покрыты лаком. Комната казалась большой, потому что у нее не было потолка. Штаб ОСА разместился в старой церкви с высокими сводами. Помещение церкви перегородили легкими деревянными стенами так, что получился коридор и несколько комнат без потолков. Своды разрисованы почерневшими ликами святых, библейскими сценами. На хорах, которые тоже были видны из каждой комнаты, обосновались радисты со своим хозяйством.

Взглянув на хоры, можно было увидеть и белую веревку, спущенную из темного подкупольного чрева. Она соединялась с латунным языком небольшого колокола.

Донсков долго смотрел вверх, и ему казалось, что святые, нарисованные древними богомазами, колышутся, а белый конь Георгия Победоносца перебирает тонкими ногами. Иллюзию создавало облако табачного дыма, висящее над комнатами без потолка.

– Ну что же, пройдемте к командиру. – Ожников встал и первым вышел в коридор. Двигался медленно, слегка припадая на левую ногу, дважды резко оглянулся, будто Донсков и Луговая могли исчезнуть. От него сильно пахло тройным одеколоном.

Кадровик энергично дернул ручку двери с бумажной табличкой «1», и дверь высосала в коридор острый запах трубчатого табака. В тесноватом кабинете за столом с жидкими ножками, задумавшись над пачкой бумаг, сидел Комаров.

– Михаил Михалыч! – довольно громко позвал Ожников и повернулся к спутникам: – Командир вертолета Донсков Владимир Максимович и второй пилот Луговая. Прибыли вчера.

Комаров, приподнявшись, протянул через стол узкую теплую ладонь Донскову, а Луговой кивнул.

– Располагайтесь, где вам удобнее.

– На Черную Брам⁵, – сказал Ожников, – рекомендую, Михал Михалыч.

– Не понял, Григорыч.

– Луговую целесообразно послать вторым пилотом на постоянную точку Черная Брама. Там она быстрее приобретет опыт.

Командир эскадрильи мельком взглянул на девушку. В черном облегающем костюме она казалась высокой и хрупкой. Пышные пряди русых волос закрывали воротник жакета. Лицо мальчишеское, курносое, нижняя губа, коротенькая и полная, напористо оттопырена, а в синих круглых глазах – растерянность.

– Что такое Черная Брама? – тревожно спросила она и коснулась пальцем округлого подбородка с ямочкой.

– Отличное место, – сказал Комаров. – Оперативная точка в тундре, на которой экипажи выдерживают не больше недели. Вот туда Ефим Григорьевич и хочет вас заточить.

– А вы? Вы ведь хороший, да?

– Других вакансий нет, товарищ командир! – нажав на «нет», сказал Ожников. – Настоятельно рекомендую.

– Я соглашусь с тобой, Григорыч, если товарищ Луговая сумеет отпустить бороду, как средство защиты от гнуса, а пока борода растет, пусть поработает здесь, на базе. Идите, Наталья Владимировна, обживайтесь в гостинице, знакомьтесь с народом и нашим поселком. Между прочим, для служебного разговора с командиром нужно являться одетой по форме... Григорыч!

---

⁵ Черная Брама (поморск.) – черная баржа.

Но Ожникова в комнате уже не было – он тихо прикрыл дверь.

– Обиделся, что ли, старина? – развел руками Комаров и, проводив взглядом уходящую короткими шажками Луговую, взял в руки летную книжку Донского.

– Поскучайте пока, Владимир Максимович, я посмотрю ваш «летный мандат».

Ожидая продолжения беседы, Донсков осмотрелся и в кабинете командира «Спасательной». Темные, от времени желтые обои, стертый и потрескавшийся коричневый линолеум на полу. Особенно скорбно выглядела полоса линолеума, ведущая от двери к столу, – она была вытерта до рогожной основы. Свет падал через разноцветный витраж огромного сводчатого окна, в котором сохранилось не больше половины цветных стекол, но их цвет окрашивал предметы в комнате по-разному. Белый железный сейф в углу казался зеленоватым. Стулья у стены словно покрылись красной кирпичной пылью. Даже лысина Комарова синевато отсвечивала. За его спиной – портрет Ленина в широкой дубовой раме, а под ним карта Кольского полуострова, раскинувшая свои румбы по всей стене. На столе кроме бумаг и чернильницы-непроливашки серый телефонный аппарат и просторная пепельница из моторного поршня, доверху набитая папиросными и сигаретными окурками. Один из них еще не успел погаснуть, и красное пятно света, брошенное витражом на край стола, наполнялось лиловым дымом. Немного чадила и трубка, положенная хозяином около пепельницы.

– Товарищ командир, – гроыхнуло сверху. Комаров поднял голову и посмотрел на хоры. – Руссов дал время посадки на руднике. Ждем дальнейших указаний.

– Напомните, что у него на борту?

– Спирт. Должен разгрузиться и – обратно.

– Никаких дополнений, полет точно по заданию! – зычно крикнул Комаров, и мощь его голоса удвоили гулкие своды церкви.

«Тут телефона не надо, – улыбнулся Донсков, – пискни, и во всех клетушках мыши откликнутся!»

Комаров отложил в сторону книжку, и на скуластом желтом лице прищурились маленькие светлые глазки.

– Как вижу, вы начали летать планеристом. Это хорошо! – Будто вспоминая, Комаров смотрел в потолок. – Точный расчет без подтягивания двигателем и положить крыло на посадочный знак, верно? В этом своеобразный шик! Много славных и знаменитых летчиков начинали с планеров. Я тоже немного попарил в аэроклубе... – Теперь глаза смотрели в глаза. – Налет у вас, по аэрофлотским понятиям, не очень велик, но машин вы освоили много, а вертолётёты даже испытывали....

– Нет, Михаил Михайлович, я не из тех испытателей, кто «учит летать самолеты», а из тех, кто преднамеренно ломает их.

– Да! Слышал, но ни разу не видел, как это делается. В общем, опыт летчика у вас личный. А опыт политической работы?

– Нулевой, – усмехнулся Донсков.

– Вы хотите сказать?..

– Никогда не был политработником и смутно представляю службу на этой должности у вас.

Комаров мял рукой бороду, пристально всматривался в улыбающиеся глаза Донского.

– А ведь нам нужен не столько летчик, сколько политработник. До вас был... приборист. Как инженер – умница. Стал замполитом – характер испортился. Раздражаться начал, злиться по пустякам. Почему? Залез не в свою тарелку и понимал, что политработник он никчемный, а сознаться в этом даже самому себе боялся. Гордость и еще что-то не позволяли... Мучился сам и терял уважение людей...

– Вы бы взяли меня просто командиром вертолета?

– По документам вы неплохой пилот.

– Так вот, товарищ командир, если немогуту будет, я сам попрошусь в рядовые. Давайте считать наш разговор только начатым. Пока попробуем выполнить приказ. Я с сегодняшнего дня приступаю к работе. Не возражаете?

– Хотя бы теоретически вы представляете свои обязанности? – не считая разговор исчерпанным, спросил Комаров и выбил о край пепельницы сгоревший табак из трубки.

– Немного учили. Теоретически! – Донсков услышал в своем голосе резкие нотки, решил сгладить их, но это ему не удалось. – Зачеты принимать будете? Или нет?

– Каждый человек получая власть, должен подумать о ближней и дальней своей цели. Если цель не ясна, зачем же тратить горючее на взлет. Ваша цель или хотя бы общее понятие о ней? – Комаров затянулся дымком из свеженабитой трубки; поджав нижнюю губу, выпустил клуб в бороду. Борода стала серой. – Не надо молчать, Владимир Максимович!

– Политработник – это такая работа на которую стоит тратить жизнь. Извините, товарищ командир, но больше на эту тему я пока говорить не готов.

– Ясно... Не обижайтесь. – Комаров передернул плечами, будто его знобило. – В гостинице для вас выделен номер. Нужна ли будет квартира – со временем решим. Пойдете через площадь, увидите кирпичный двухэтажный дом с вывеской «Нерпа». Отдыхайте. До встречи! – Встав, Комаров протянул руку, и она не показалась Донскову теплой, как при первом пожатии.

* * *

Донсков шел по площади, думал о разговоре с Комаровым, и вдруг его внимание привлекла доска «Лучших людей подразделения». Она красиво была собрана из дикого розового камня, алюминиевого уголка и стекла, в меру расцвечена, прямоугольный фундамент затянулся мохнатыми перьями зеленоватого лишайника и желтыми лепешками мха. Вот только фотографии висели на ней равного размера и качества. На самой большой красовалась физиономия Ожникова, он был в форменном кителе, при погонах майора, с орденами и медалями на груди. Видно, демобилизовался из армии с правом ношения формы и очень гордился этим.

Донсков, чуть задержавшись, двинулся дальше. До вечера бродил по улочкам. В «Нерпу» заявился голодный, уставший, но в хорошем настроении.

В гостиничном холле его встретили женщины. Впереди статная рыжая красавица средних лет, с лицом добрым, но отчужденно застывшим. В руках она держала деревянную статуэтку девушки-саами. Поодаль от «русской павы», как окрестил про себя женщину Донсков, пара симпатичных старушечек со швабрами в руках.

– Я штурман эскадрильи Лехнова Галина Терентьевна. – А вы – товарищ Донсков? – Сухо, служебно спросила женщина – Комаров приказал встретить. Добро пожаловать!.. Берите свои вещи, провожу.

Поблагодарив, Донсков с двумя тяжелыми чемоданами, неизвестно кем доставленными с квартиры бортмеханика, поплелся вслед за Лехновой на второй этаж.

– Мушшина-то холостой! – услышал он за спиной старушечий шелест.

«Откуда такие сведения? Уж не от Ожникова ли?» Показав ему дверь номера, Лехнова попрощалась:

– Ближе знакомиться будем на работе. Если вдруг неожиданно возникнут вопросы по жилью – к старушкам. Если недовольство – ко мне. Я квартируюсь на первом этаже.

– Спасибо, Галина Терентьевна!.. А статуэтка саами у вас замечательная! По-моему, я ее видел в кабинете Ожникова?

– Подарок! – буркнула Лехнова и, не сказав больше ни слова, ушла.

Номер в гостинице-общежитии с экзотическим названием «Нерпа» оказался просторным и светлым. Вместо ковров на полу распластались потертые олени шкуры. Два кресла, маленький столик, узкое зеркало на подставке и умывальник в углу – вот и вся обстановка.

Раскладушку обещала принести одна из старушек. Вместо шкафа для одежды в стене торчали два новых гвоздя. Открытое окно затянуто противомоскитной сеткой. За окном, почти заглядывая в него, шумели вершины молодых сосен.

Вот уже год утром и вечером Донсков занимался йогой. Не нарушил он свой распорядок и сегодня. Распаковал чемоданы, переоделся в спортивный костюм. Повосседал на оленьей шкуре в позе «лотоса», руками плотно обхватив лодыжки, резко опрокинулся на спину.

В дверь постучали. Донсков машинально крикнул:

– Войдите!

С мужчиной Донсков мог начать разговор и в позе «ролика», но, взглянув из-под локтя, он увидел Луговую. Мгновенно вспомнил, что брюки и носки у него не совсем в порядке: спортивные брюки еще в Городе порвал о гвозди в стуле, на пятке правого носка – дырка. Пусть простят его йоги, запрещающие прерывать упражнения, но они ведь тоже уважают женщин! И Донсков упруго, даже молодцевато, вскочил.

Луговая стояла к нему спиной. Под серым шелком халата вздрагивали плечи.

«В халатике! Экая непосредственность!» – подумал он и бодро выкрикнул:

– Добрый вечер!

Она смеялась. В разрезе синеватых глаз мерцали крошечные слезинки. Поднос со стаканом чая и бутербродами мелко трясся в ее руках.

«Первая трещина в твоём авторитете, замполит!» – усмехнулся про себя Донсков.

– Заказывали чай? Пожалуйста... Звонил командир эскадрильи, просил передать, если вы себя хорошо чувствуете, утром можете потренироваться с ним на вертолете. Машина поставлена в наряд на десять ноль-ноль.

– Благодарю... – Донсков поспешно копался в чемодане, разыскивая тапочки. – М-м-м, вы уже официанткой устроились?

– Галина Терентьевна велела послужить знатному постояльцу, я, как ваша соседка по этажу, делаю это с удовольствием. Вы почему не предлагаете мне сесть?.. Я включу настольную лампу для уюта. Можно?

– Пока умоюсь и приведу себя в надлежащий вид, позаботьтесь еще об одном стакане чая.

– Мигом, Владимир Максимович! Газеты сегодняшние принести?

– Неплохо бы, Наташа.

Через несколько минут они пили крепко заваренный чай с карамельками и жевали бутерброды. Наташа была переполнена впечатлениями и тарабанила без умолку:

– Клуб здесь приличный. На уровне районного. Танцуют часто. Люблю! Если музыка хороша. Я забрела туда случайно. Парикмахерскую искала. Открыла дверь в одну из комнат – вижу, человек малюет что-то. Я любопытная. Делаю: к-ха, к-ха, он – ноль внимания. Подошла к нему. На мольберте почти готовая картина. Красотища! Олень в прыжке, на рогах рваный кусок синего облака, под брюхом охряная половинка солнца. От него шерсть у оленя золотистая. Я опять: к-ха, к-ха. Захотелось познакомиться с волшебником. Он, как чугунная глыба, врос в пол и даже голову не поворачивает, пишет. Тогда я его по плечу ладонью тронула. Он и говорит: «Девушка, убирайтесь отсюда вон!» Ведь не смотрел, а определил, кто сбоку стоит. Боковое зрение, значит, развито. Я заметила, что такое зрение сильно развито у художников и летчиков. У этого нахала – тоже. «Не выйду» – говорю, – мне очень нравится!» Медленно так, медленно поворачивается. Уставился невежа, в глаза смотрит пристально, аж мурашки пошли. Повертел кисть с зеленой краской и мазнул мне по носу. Я за зеркальце. Нос зеленый. Краска масляная, платочку не поддается. Тут я ему выдала! Не выражаясь, конечно. Тогда он сует мне пузырек со скипидаром. «Извольте, – говорю, – сами почистить мой нос!» Тут он в первый раз улыбнулся. Я считаю, Владимир Максимович, чем реже человек улыбается, тем он приятнее, так?

– Ну, это уж чисто субъективное восприятие.

– Пусть. Чистить кляксу он не стал. Знаете, этот скипидар неприятный – чих вызывает. Я застеснялась даже. Он говорит: «Если вам нравится моя мазня, постойте тихо и не более пяти минут. Не люблю, – говорит, – когда у меня за спиной пыхтят!» Но я тихо не могу, Владимир Максимович. Узнала, что он клубный художник, заставила его назваться. А через пять минут он меня выгнал, даже не спросив имени. Ужасный невежа!

– Сколько вам лет, извините, Наташа?

– Двадцать один. Скоро будет, – с удовольствием ответила девушка.

– Как звать невежду?

– Николай, и, кажется, Петрович.

– Фамилия? – перестав жевать, быстро спросил Донсков.

– Батурин. Представительный. Лицо как у бога войны!

– Клубный художник, говорите?.. Ну, ну... Понравился, значит? А возраст?

– Средний. Ходит, как топтыгин, вперевалочку. Через час я опять в клуб заглянула – его уж там не было. Потом ходила в лес. Б-рр, там больно уж темно, сыро и холодно. Но воздух! Густой! Жевать можно!

Расправившись с бутербродами, и допив чай, Наташа встала, одернув шелковый халатик.

– Делаю вам ручкой, Владимир Максимович. Спать хочется. До завтра. Раскладушка и постельные принадлежности внизу у вахтерши. Сами принесете или попросить ее?

– Не беспокойтесь, приятных сновидений!

На первом этаже в поставленных друг против друга мягких креслах восседали обе старушки. Неторопливо работая вязальными спицами, вполголоса разговаривали. При появлении Донскова одна, покряхтывая, встала, проводила его в каморку, откуда он вышел, нагруженный тюком и раскладной кроватью. Поднимаясь по лестнице, услышал:

– На шее стоял мушшина-то! Женить надо...

«Успела поделиться, когда ходила за вторым стаканом чая, – сообразил Донсков. – Болтуха!

– Спокойного дежурства, бабушки!

– Шпи, шпи, благодати тебе, шинок! – ласково прошелестело в ответ.

Над самой крышей прогремел вертолет – чей-то экипаж возвращался с задания.

* * *

Прилетел на базу Руссов с авиатехником Галыгой.

Федора Ивановича Руссова по имени-отчеству в эскадрилье называли редко. Чаще – Федей, еще чаще – Крохой – за рост под два метра и медвежью силу. Один из немногих, он был летчиком-универсалом: имел допуск к полетам на всех типах вертолетов, легких самолетах и командовал экипажем единственного в подразделении большого корабля-метеоразведчика. Кроме него скоростной корабль пилотировал только Комаров да иногда старший инспектор управления Воеводин.

Руссов отличался цепкой памятью и любовью к теории полетов, превосходной техникой пилотирования, в двадцать семь лет получил звание летчика первого класса, чего в Аэрофлоте добиться непросто и к сорока годам. И все же, когда в верхах речь заходила о поощрении «личного состава», Руссова забывали. Редко вспоминал даже Комаров, считавший молодого пилота необычайно талантливым. Почему так? – никого не интересовало. Виноват, наверное, был характер Руссова. Затворник. Молчун. «Рабочая лошадка». Он никогда не отказывался от самых простых полетов, которые мог выполнить «зеленый» летчик, не кичился работой в трудных спасательных операциях. Всегда старался сесть в последний ряд и был нем на собраниях. Рядом с ним всегда пристраивался Богунец.

Вот и этот рядовой полет на рудник с бочками спирта на борту Руссов выполнял, уже налетаившись «по горло».

Спустившись по скобам из пилотской кабины, Руссов подождал, когда из фюзеляжной двери выпрыгнет авиатехник Галыга, и сказал ему:

– Я тобой недоволен. Подумай, Степан! – Отвернувшись от остолбеневшего техника, ушел.

Степан Галыга стоял в растерянности несколько минут, проклиная себя за то, что не спросил, чем же недоволен командир вертолета. Тем, что пахивало от него, Галыги, спиртом? Или тем, что на взлете с рудника «взбrehнул двигатель»? Или он догадался?.. Если последнее...

И перед Галыгой отрывочно встала картина происшедшего на руднике.

Круг над рудником.

Сели на пригорке, где посуше, куда указал он, техник.

Пилоты ушли в столовую закусить.

Подошел трактор с прицепом. Двое рабочих и кладовщик.

Кладовщик залез в вертолет считать бочки со спиртом.

За ним, соорудив из досок накат, залезли рабочие.

Вот скатывается первая бочка.

Вторая...

Третья... Всего их двадцать.

Пятнадцатая... Галыга видит, как кладовщик ставит галочку в потрепанную записную книжку.

Пятнадцатая... Она идет по настилу косо, скособоцась, падает и откатывается в сторону.

Грузчики берутся за следующую.

А пятнадцатая... Она так близко откатилась к склону. Только подтолкнуть ногой...

Галыга, выбрав момент, упирает в выпуклый бок бочки каблук и сильно распрямляет ногу.

Пятнадцатая катится... быстрее, быстрее, в овраг!

Из вертолета выгружена последняя, двадцатая. Ее ставят на попа.

Бочки закатываются на тракторный прицеп.

Их уже не считают. Но их могут пересчитать на складе!

Галыга ждет, пока вдалеке не показываются летчики.

Он спускается под бугорок и, страшно напрягаясь, катит вверх, по отлогому склону, тяжелую бочку.

До подхода летчиков успевает затащить ее в вертолет и накрыть моторными чехлами.

Все точно так, как думалось в Нме...

И вот теперь эта странная фраза молчуна Руссова: «Подумай, Степан!»

«Нет, Руссов ничего не знает! Он просто недоволен тем, что на взлете „взбrehнул“ двигун. Если бы знал, так не ушел бы. Но бочку нужно как можно быстрее схватить... Надо позволить, пусть приедет на машине!»

Помогая мотористу зачехлять мотор, Галыга делал все вяло, как во сне. Мысль, что рано или поздно все это плохо кончится, не покидала его. Он бросил работать и только тревожно поглядывал, как бы моторист не стащил фюзеляжный чехол со спрятанной бочки...

IV

Кольское небо не любит раззяв! У саамов есть легенда. Будто испокон веков два холодных великана ведут ратоборство. Они ярят себя. Катят ледяные волны. Дышат сизыми тучами. И идут друг на друга. Один с Баренцева, другой – с Белого моря. Впереди них боевые рати, сиверко и великий ноайд, которого не дано видеть оленным людям. Встречаются над Хибинами. Сначала смыкаются белые рати. И тогда ничего не видно вокруг. Даже олешки складывают ноги и не идут вперед. Потом сиверко пробует силу. Свистит и обжигает. И все живое клонится долу. Иногда гремит бубном великий ноайд-шаман. Мечутся в небе раскаленные иглы, выписывая, как на пимах, узорный зигзаг. Толкают друг друга великаны, не хотят уступать. Упираются в моря. Моря превращаются в седые горы. Горы, оползая, хоронят под собой рыбацьи лодки. Устают великаны. Расходятся. И никто не знает, когда в них снова взывает боевой дух...

Так рассказывал Комаров новому замполиту о крае, двигаясь пешком через аэродром к стоянке вертолетов.

– Люблю эту землю. Здесь я воевал в Отечественную. В одном полку с Небольсиным⁶. Здесь похоронил жену, остались с сыном вдвоем. Он уже в армии побывал. Сейчас шофером на штабном «газике» работает. – Комаров вздохнул и, помолчав, заговорил о другом: – Народ тут чудесный, Владимир Максимович. Если станет трудно, прихватит циклон или забарахлит движок – ищите саами. Если в тундре глаз зацепится за стадо оленей – там саами. Увидите лодку на реке – это саами. В море они тоже удачливые рыбаки. Саами всегда помогут в трудную минуту.

Комаров пососал мундштук потухшей трубки, остановился, выбил о каблук пепел из чубука.

– Сейчас май, теплеет, расцветает тундра, через день-два болота – поднимут пары. Комарё разлетится по краю. Нагрянут птицы, будут пикировать на болото. К чему говорю? Бойтесь птиц! Попадет в винт – неприятности! – Комаров показал рукой на вертолет. – Пришли. Будем летать на этом.. Обслуживает авиатехник Галыга... Где Степан? – крикнул он механику другой машины.

– А парашюты в машине или привезут? – спросил Донсков.

– Э, дорогой замполит, вы не в армии, – засмеялся Комаров. – Почти полсотни лет гражданские летчики работают без парашютов. Пассажиры у нас разные: грудные летают, старые. Инвалиды попадают. Разве они могут воспользоваться парашютом? Чтобы пилоты боролись за них до конца, даже в самой трагической ситуации, парашютные гнезда на сиденьях закрыты мягкими подушками.

– Это я знаю, Михаил Михайлович, но ведь ОСА не обычное транспортное подразделение?

– Ничего, перебиваемся без зонтиков и мы... Почему не идёт Степан? – крикнул Комаров повторно. – Где он?

– Как всегда, товарищ командир, посвистывает Степан. Музыкальный дядя!

Комаров быстро направился к аэродромному домику, Донсков за ним. На короткой лавке, свесив ноги, лежал маленький человек в грязной брезентовой робе. Темное, заросшее щетиной худое лицо наполовину закрывала мятая кепка, руки под головой. Храпел с присвистом. Комнатку заполнял запах водочного перегара. Около лавки съежился пушистый коричневый щенок и, скосив глаза-бусинки, тонко поскуливал.

---

⁶ Небольсин Алексей – в Великую Отечественную войну на истребителе И-16 повторил подвиг Гастелло.

– Тренировку придется отменить. Обратно прогуляемся через лес. Двинулись, Владимир Максимович.

Неширокая тропинка, устланная многолетним ржаво-бурым мхом, мягко гасила шаги. Резко пахло подсыхающим торфом и багульником. Комаров сломал ветку карликовой березы, отгонял ею мошек.

– Жаль Галыгу, – заговорил он, – толковый техник, добрейший человек. Бортмехаником на «Бостоне» прошел всю войну, горел, прыгал на парашюте с подбитой машины.

– С фронта начал употреблять?

– Галыга отдавал друзьям свои боевые сто грамм, когда без водки трудно было даже согреться. Сейчас пьет без меры и оглядки. Жена с ребятами ушла от него. Охромел душой. Душа проходит как раз по вашему ведомству, Владимир Максимович. Не так ли?

– Не оттого ли таков сказ, что штаб вы в церкви расположили?

– К сведению: дом, построенный для штаба, я отдал под квартиры. При поддержке местного, то есть Ожникова Ефима Григорьевича. Ба! Да вот и он!

Навстречу по тропинке шел Ожников с большой собакой на поводке.

– Галыга опять сорвал полет, Григорыч! – вместо приветствия сказал Комаров. – Снова простим? Ведь это выходит за всякие рамки.

Они разговаривали, а Донсков следил за зверем на поводке. Таких он не видел. Жестко и настороженно смотрело на него необычайное животное темно-песочного цвета, с почти черной клинистой головой. Над затупленным носом черные злые глаза. Напряженные задние лапы подрагивали.

Ожников заметил волнение животного и мягко сказал:

– Ахма, это свой! Свой это, понимаешь?

Густая блестящая шерсть на загривке Ахмы улеглась, повис пушистый хвост. Ожников ласково шлепнул ее по гладкому боку. Она неуклюже отковыляла в сторону, освободив тропинку.

– Где он выкопал такую образину? – почему-то шепотом спросил Донсков, когда они с Комаровым пошли дальше. – Ну и помесь медведя с хорьком!

– Росомаха, – огорошил его Комаров. – Я взял ее в тундре.

– Вы?

– Маленький был, граммов на сто, желтенький комочек шерсти с темной мордочкой и лапками. Мать, спасаясь, бросила детенышей, но далеко не ушла, и использована на подкладку моей куртки. Вы охотник?

– С ружьем побродить люблю.

– Так знайте, росомаха – ценный приз. Ее трудно добыть. Умный и осторожный хищник. Финны зовут ее «ахма», то есть «жадная», «ненасытная». Она невесомо бежит через болото, в котором утонет всякий преследователь, даже по тонкому льду движется поразительно уверенно. Живет в одиночку. Если судить по силе – медведь! А ведь относится к злобному семейству куниц! Ожников выпросил её у меня...

– И выкормил такое страшилище?

– Из соски. Я бы не отдал, но от него запах пакостный. мех плотный. Вы заметили, как от Григорыча разит одеколоном? Только этим и спасается.

– Хоть и приручена, но...

– В характере любого домашнего животного что-то остается от его дикого предка, – задумчиво произнес Комаров и, заложив руки за спину, ссутулясь, ускорил шаги.

* * *

Ожников растолкал Галыгу, приподнял за борт куртки и посадил. Тот пучил заспанные глаза, растирал на подбородке слюну, но не мог понять, кто перед ним, зачем разбудил.

– Опять нализался, Степан! Ну, сколько можно? Чучело из себя делаешь! Иди домой, Степан, иди. На вот, выпей водички.

Только сейчас Галыга уразумел, кто перед ним. Он прижал к груди скрюченные пальцы, потряс ими, выбив из рук Ожникова кружку с водой, закричал с тоской в голосе:

– Отстань, Григорыч! Последний раз тебе говорю, не мучь, отстань! Сволочь я! Отстань, прошу по-хорошему! – Пальцы, прижатые к груди, крупно тряслись.

– Успокойся, Степан. Зачем истерика?

– Покоя нет, Григорыч! Знаю я... и про командира.

– Замолчи! – Длинный нос Ожникова мгновенно покрылся багровыми пятнами. – Сейчас же домой и спать! Марш! А завтра поговорим... Ну!

Галыга хлюпнул носом, медленно присел на корточки, взял скулившего щенка, прижал к себе. Поднялся с трудом, неверным движением открыл дверь и побрел через аэродром к городку, уткнувшись лицом в мягкую шерсть кутенка.

Отвязав от дверной скобы поводок росوماхи, Ожников пошел за ним.

Росумаха ковыляла ровно, не металась в стороны, не дергалась. Галыга покорно брел впереди, и мысли Ожникова потекли спокойнее. «Сдвиг на почве алкоголя. Белая горячка. Лезут к нему черти изо всех углов».

Повелительно взмахнув рукой, Ожников остановил «газик», мчавшийся к стоянке вертолетов.

– Ты куда, Павел? – спросил он шофера.

– Где отец?

– Они с замполитом пошли лесом. Подвези до дома больного.

– Я таких больных каждый день возле чайной вижу!

– У него что-то тут не в порядке, – приставил палец ко лбу Ожников. – Эй, Степан, садись в машину.

Дома Ожников раздел Галыгу, умыл под краном, уложил в постель. Галыга, крестом сложив руки на голой груди, смотрел осмысленно. Мутные глаза прояснились.

– Ты сегодня ел что-нибудь, Степа?.. Э, брат, да у тебя в доме ни крошки. Позвоню жене...

– Не надо!

– Надо, Степан, надо! Пить бросать надо, семью возвращать в дом надо, жизнь налаживать надо. Не тут, конечно. Тут ты себя опозорил начисто. Я устрою тебе перевод. В хорошее место устрою. Хорошая работа будет. Хорошо заживете... Попробуй заснуть. Я харчи пришлю. Завтра не выходи на службу, отлежись. Не беспокойся, все будет в порядке. – Ожников говорил тихо, монотонно, усыпляюще. – А про командира ты зря мне намекнул. Не посадишь же ты в лужу заслуженного, достойного человека. Не простят тебе за него люди. Не простят, Степа! Найдут даже там, куда я тебя спрячу. Засни, Степан. Кутька твоего я подкормлю. Спи! И забудь про все. Нет между нами счетов, Степан! Нет! Живи и радуйся!

V

На следующее утро в номер к Донскову зашел Комаров. Принес банку растворимого кофе.

– Берите. Для гостиничных постояльцев удобный продукт, в магазине не найдете. Вчерашнюю тренировку сорвал Галыга, сегодня не могу, жду гостей из управления. Не обидитесь, если с вами полетает командир звена Батурин?

– Конечно, нет.

– Постарайтесь хорошо слетать.

– Я понимаю, Михаил Михайлович. Зачем важные гости приезжают?

– Батурин – внештатный пилот-инструктор управления и все, как надо, запишет в летную книжку. Он вам понравится. Идите прямо к летчикам и спросите Николая Петровича. Кстати, через десять минут у них начнется разбор вчерашних полетов, послушайте. А с начальством из города я вас познакомлю, не беспокойтесь. Да и не ахти какое начальство – инспектора по безопасности полетов. – Комаров подошел к зеркалу, попустил расческой бороду и, со вздохом помассажировав пальцем мешочки под глазами, направился к двери. – Вечного двигателя из меня не получается, дорогой, замполит. Скоро в обоз... Поехал я!

* * *

Длинный барак, где располагаются летная комната и учебные классы эскадрильи, стоял рядом с церковью. Поэтому Донсков думал, что не потребуется много времени на переход. И все же на разбор полетов опоздал. А время здесь, видно, ценили. Он это понял потому, как его встретил командир звена Батурин: привстав из-за стола, пожал руку, предложив сесть на свободный стул, продолжил разговор с пилотами, не обращая вынимания на замполита.

– Накоротке последний вопрос... К нам прибыла новый пилот Луговая Наталья Владимировна!

В самом уголке, из-за дюжих спин, поднялась Наташа и привычным движением поправила пышные русые волосы. Все пилоты повернули головы в ее сторону.

– Экипажи у нас укомплектованы, так что ей придется полетать немного дублером. Кто выражает желание взять ее в экипаж?

Наташа улыбнулась. Обворожительно. Она ждала предложений со всех сторон. Ну, хотя бы вон тот, долговязый, восхищенно вытаращивший глаза, непременно выставит свою кандидатуру в ее наставники. Но долговязый посмотрел и потупился. Отвернулись и другие. Молчали. «Эх, Наташа, – подумал Донсков, – в морской авиации действует закон моря: баба на боевом корабле – беда! И здесь, наверное, также. Да и свяжешь ты экипаж по рукам и ногам. Не выругайся при тебе, комнатку на точке тебе отдельную, тяжело будет – запишишь...»

– Нет желающих? – спросил Батурин.

– Мороки с ней, – прогудели из заднего ряда.

– Это с кем морока? – вскинулась Наташа и покраснела. – Я что, не летала? Это за вами глаз да глаз нужен, мальчишки! По утрам не умываетесь на точках. Не возражай ты, непричесанный, – махнула рукой на Богунца. – Сядь! Сядь! Не умываетесь, потому что времени не хватает, спите долго. Карты, шахматы и девчата рано ложиться вам не дают. А я это устраню. В грязных рубашках ходите, Аэрофлот позорите. Научу стирать! Едите всухомятку...

– Стоп, Наталья Владимировна! – досадливо прервал ее Батурин. – Помалу назад! Еще два-три слова, и я не ручаюсь за ваше место в любом экипаже. Будем считать, что вы рассказали про других мальчиков, не про наших. Наши хорошие. Ну, – еще раз осмотрел пилотов, – хва-

тит торговаться, приглашайте в свой экипаж... Не желаете? Бойтесь, бороды она вам обреет? Тогда, Наталья Владимировна, выбирайте сами.

– Хочу к художнику! – быстро сказала Наташа.

Секунда молчания, и... взрыв безудержного хохота. «Все девки к нему льнут!», «Губа не дура», – в общем шуме раздались возгласы. И парень, тот, долговязый, который восхищенно таранился на девушку, был вытолкнут в проход между стульями.

Подняв руку, Батурин остановил гомон, обратился к нему:

– И не стыдно отказываться, Богунец?

– Мы... Я храплю, здорово храплю, Николай Петрович! Ей не понравится... Она сбегит, – еле сдерживая смех, тонким голосом лепетал Богунец.

– Товарищ командир, да это не он. Не его я имела в виду! А он пусть... храпит!

– Наталья Владимировна, вы сказали, что хотите к художнику, а «Художником» у нас кличут Антона Богунца за его различные художества. И не беспокойтесь, летчик он приличный. Закончили?

– Нет! – упрямо сказала Наташа. – Я имела в виду настоящего художника, того, кто рисовал в клубе оленя с облаком на рогах. Вас, товарищ командир!

Все пилоты быстренько подняли руки, поддерживая девушку.

– Ну что ж... тогда последний вопрос. – Чувствовалось, Батурин еле сдерживал недовольство. – Старый редактор стенной газеты заболел, и, кажется, надолго. Нужен новый. Выберите. Я предлагаю оказать доверие товарищу Луговой, надеясь, что газета наша станет острой. Будут другие предложения?

Все опять поспешили проголосовать «за». – Тогда свободны... Готов к разговору с вами, товарищ замполит. Задание командира эскадрильи получил, но сначала несколько вопросов, если не возражаете.

– Не церемоньтесь, Николай Петрович. Считайте на сегодня меня своим учеником.

Батурин подождал, когда все пилоты вышли из комнаты, поднялся из-за стола, подошел и сел рядом с Донсковым. Вначале их разговор походил на допрос. Батурин спрашивал, а Донсков отвечал коротко и отрывисто.

– Налет на вертолете?

– Три тысячи часов.

– Общий налет?

– Около четырех.

– К каким работам допущены?

– Ко всем.

– Какой тип вертолета вам больше по душе?

– Ми-4.

– Где квартируете?

– Пока в гостинице.

– Можете ли завтра приступить к тренировкам?

– Хоть сейчас.

– Отлично, прошу в комнату предварительной подготовки.

Они прошли в другую комнату, залепленную по стенам схемами, картами, красочными выписками из летных документов. Макеты под стеклом. Застекленные шкафы с ветрочетами, навигационными линейками, планшетами и пачками штурманских боржурналов стояли в ряд напротив окон. Над шкафами во всю длину комнаты – рисунок вертикального разреза Хибинских гор, под ним метеорологическая справка:

«Плато РАСВУМЧОРР

Среднегодовая температура воздуха – 6 градусов.

Снежный покров удерживается 292 дня в году.

Число дней с туманами – 293 дня в году.

Число дней с метелями – 190 дней в году».

«Ишь, ты! – подумал Донсков, – почти триста дней в году нелетных!»

Батурин подошел к большой карте Кольского полуострова, точно такой же, какая висит в кабинете комэска, и, взмахнув указкой, начал говорить как по писаному. Донсков прислушивался, как таяла льдинка в его голосе, и замполиту казалось, что он говорит не о районе воздушных перевозок, не о «Спасательной» зоне, а о месте, в котором родился.

– Если вы хотите летать, приносить пользу и сохранить голову, – говорил Батурин, – то должны любить этот уголок земли, почитать его хозяев, изучить повадки погоды. Полуостров раскинул свои земли на сто тысяч квадратных километров, и каждый километр вы должны знать. Сверху вы увидите голубые Умбозеро, Иманрду, Ловозеро, из них рвутся реки, они пересекают тундру и нагорья, но у каждой свой курс бега. Поной и Варгуза, пробежав четыреста верст, ныряют в Белое море, а Воронья, например, тащит воду в море Баренцево. Запомните – пригодится при потере ориентировки, от чего здесь никто из нас не застрахован. Моря дышат циклонами, но даже если выдастся приличная погода, будьте начеку.

Он рассказывал о полуострове почти с теми же интонациями, как и вчера Комаров. И не только они, а и те пилоты, с которыми Донсков уже успел побеседовать, знали до камешка и, видно, любили свой край.

– И еще: не забыли вы заповеди вертолетчика при посадках в горах и на лесные поляны? Донскову было интересно слушать, и он не стал утверждать, что знает их.

– «Хоть ты и не обезьяна, но всегда помни: в полете у тебя длинный хвост»,

«При посадке в лес передвигай глаза на консоли!»,

«Если „шаг-газ“ стал „резиновым“, значит, земля падает на тебя!» – сказал Батурин, и перед Донсковым память воскресила случаи, когда вертолетчики, забыв, что у их машин длинные хвостовые балки, ломали винты о деревья, концы лопастей превращались в мочалки из-за плохой осмотрительности и расчета. Перед ним встали битые в лесу вертолеты из-за перетяжеления винта на посадке. Мудрые заповеди выработали Время и Опыт.

Через два часа Батурин с Донсковым поднялись на вертолете. Выполнив несколько стандартных полетов по кругу, пошли в «зону». Пока набирали тысячу метров над аэродромом, Батурин курил, откинув голову на верхний обрез спинки сиденья. Неожиданно сказал с нарочитым равнодушием:

– Ястреб как летит? Элегантно, с достоинством, стриж проносится стремительно – только его и видели. А курица? Невысоко, недалеко, неуклюже: много энергии тратит.

Он уколол замполита за чрезмерное старание. И пожалуй, был прав. Донсков сделал первые полеты четко и грамотно, но как ученик. А Батурин хотел увидеть его почерк, манеру полета, достоинства и недостатки раскованной техники пилотирования.

Виращ на вертолете – трудный элемент, уж больно много разных по направлению аэродинамических сил стараются его выбить из правильного законченного круга. Донсков прокрутил пару виражей с разрешенным креном в двадцать градусов идеально, потом заложил крен сорок пять. На Батурина не подействовало. Его безразличие царапнуло Донскова, и он, разогнав скорость, завалил вертолет набок. Тюльпан несущего винта встал к горизонту под восемьдесят градусов, и пилотов сильно прижало к креслам. Карие глаза Батурина почти спрятались под веками, и из узких щелок он метнул острый взгляд на приборы. «Ведь не удержит машину!» – подумал он, а Донсков вырезал в небе невидимый чистый круг и торжествовал. Из левого виража переложил вертолет в правый, завершил восьмерку и с чувством собственного достоинства взглянул на Батурина. Голова его опять была откинута на спинку пилотского кресла, глаза полузакрыты.

– Что дальше? – спросил Донсков.

– По заданию. Если еще какую-нибудь штуку выкинете, не стесняйтесь.

Больше «штук» Донсков не выкидывал. Спокойно закончил работу в «зоне», зашел по системе слепой посадки на аэродром, запросил у диспетчера разрешение на приземление.

– Полоса свободна, – ответил тот.

И тут какой-то бес толкнул Донскова под лопатку. Сколько раз он ругал себя за мальчишество! Зрелый возраст, вполне почтенная внешность, не на последней ступеньке служебной лестницы давно стоит, а вот солидности приобрести не может. Заносит в самые неподходящие моменты.

– Хотите, покажу посадку на «флаг»? – предложил он Батурину.

– Что за зверь?

– Представьте: море... туман, корабль в беде. Вы елозите на брюхе по волнам, ищете корабль. Увидели! И... проскочили. Пока разворачиваетесь, он опять растаял в тумане. Снова поиск.

– Ситуация знакомая. Ну и что?

– Можно, увидев корабль, за две секунды погасить скорость и зависнуть над ним.

– Опробовано или только в мыслях?

– Из запасов испытателя.

Батурин включил радиостанцию:

– «Торос», «Торос», я – 19200, сейчас произведем эксперимент оригинальной посадки.

Не волнуйтесь, не удивляйтесь.

– Я «Торос», – ответила земля. – На борту ты, что ли, Петрович?

– Да.

– Разрешаю! Только внимательней, старина!

– Давайте, Владимир Максимович, – сказал Батурин.

Донсков зашел по ветру, снизился до бреющего полета и на большой скорости устремился к посадочному знаку. Прямо над белым полотнищем «Т» энергично поднял нос вертолета и свалил машину на левый борт. На долю секунды пилоты зависли почти вниз головой. Вертолет задрожал и со скольжением вышел из крутого крена в двух метрах от земли. Колеса мягко нащупали бетонку. Нос был повернут, как и положено, против ветра.

Несколько лет назад, будучи испытателем, которому разрешалось в полете выходить за рамки правил, Донсков разработал посадку на «флаг» и учил других. При первых посадках, в самый кульминационный момент, когда земля вставала дыбом и казалось, что назревает неминуемая встреча с ней, ребята рвали штурвал на вывод из кажущегося нелепым положения. Срабатывал инстинкт самосохранения, который зачастую бывает сильнее воли.

Здоровенные ладони Батурина дрогнули, но, как лежали, так и остались на коленях. Только лицо тронуло что-то, похожее на улыбку.

– Можно на «ты», Владимир Максимович? – спросил он уже на стоянке.

– С удовольствием... Кстати, Николай Петрович, ты как художник увлекаешься только живописью или графикой тоже?

– Понял тебя. На плакатах и стендах хочешь эксплуатировать. Я посредственный рисовальщик, самоучка, но чем могу – помогу. – Говоря это, Батурин вслед за Донсковым вылез из вертолета, отойдя в сторонку, неторопливо закурил, мечтательно оглядел облачное небо над лиловым горизонтом, и мягкая улыбка осветила его дочерна загорелое лицо. – Рисовать я начал после первого самостоятельного вылета. Радость в том, что я лечу сам, была великая. И мне еще повезло: после дождика вспыхнула радуга. Она охватила мой самолет огромным полукольцом и сопровождала до самой посадки. После четвертого разворота я пошел навстречу солнцу. Радуга пропала, но снова я не мог оторвать глаз от земли: мой самолет садился на полосу расплавленного золота... Потом Арктика мне полюбилась... В белом безмолвии нашел я для себя много красок. Роскошны, фантастичны полярные сияния. Не забыть первый ночной полет,

когда все небо было разрезано на цветные движущиеся ленты, а потом завито в многоцветную спираль. Полярный день, когда солнце круглые сутки не уходит за горизонт, дарит тебе тысячи оттенков голубизны: и тени на снегу, и полыньи, и небо, и зеленовато-голубые на изломах льды. В войну... Нет, про войну грустно... Наверное, нет для летчика милее картины, чем чистое мирное небо. Вот так бы взял кусок, вставил в золотую раму и повесил бы у себя над койкой!⁷

Донсков, видя, что тема разговора по душе новому товарищу, поинтересовался:

– А портреты?

– Почти не занимаюсь... Федю Руссова иногда пишу, да и то только потому, что вижу в его лице что-то глубоко русское. Галину Лехнову...

– Красивая!

– Не потому. Посмотри в ее глаза, когда она задумывается. А происходит это часто. Омут, в который хочется нырнуть. Кажется, что именно на его дне спрятано самое сильное неудовлетворенное желание. А временами это глаза умирающей птицы... Все субъективно, Владимир Максимович, все субъективно... А за полет спасибо. Посадку на «флаг» подари мне и при случае потренируй. Если хочешь – квартира у меня хорошая – переходи. Двум монахам веселее будет молиться. Подумай! – И Батурин, чуть косолапя, пошел от вертолетов.

---

⁷ Подлинные слова пилота-полярника Героя Советского Союза М. П. Ступишина.

VI

После обеда командир «Спасательной» пригласил к себе Донского. Войдя в кабинет, замполит увидел сидящего около стола Батурина, старшего пилота-инспектора Воеводина и еще одного молодого, плотного человека с мягким, довольно симпатичным лицом. Его командир представил как инспектора по безопасности полетов Эдварда Милентьевича Гладикова. Кроме Гладикова, все нещадно дымили, и по выражению его лица было заметно, что он с трудом переносит табачный дым, особенно ядовитый из трубки командира и от дешевой «Примы» Воеводина.

– Вот теперь все в сборе, – сказал Комаров, – и мы внимательно слушаем вас, товарищ инспектор.

Худощавый загорелый Воеводин улыбнулся, втиснул в поршень-пепельницу свою недокурную «Приму». Сказал тихо, поглаживая кадык:

– Мы не сражаться приехали, Михаил Михайлович, а лишь выяснить причину некоторых огрехов в последнем спасательном полете. Выяснить, проанализировать и, если надо, помочь избавиться от недостатков в будущем.

– Похвально, – процедил Комаров и положил на стол сжатые кулаки. – Значит, выяснить? И помочь? А пока не выяснили. Тогда почему, по какому праву вы, инспектор Гладиков, отобрали у командира вертолета Богунца пилотское свидетельство? – Голос его сорвался.

– У него в одном полете два происшествия. – Гладиков, отогнав клуб дыма от лица, поморщился. – Я не применил санкций, не проколол талон нарушителя и не вырезал его. Что-нибудь одно обязательно сделаю, как только его вина прояснится.

– У вас, инспектор, все еще в тумане, вы не знаете виновного, а уже для устрашения пилота вытащили из его кармана главный рабочий документ, – все тем же, не предвещающим примирения голосом продолжал Комаров. – Если в вашей квартире пьяный сосед разобьет посуду, поломают мебель, напакостит и вас же, пока не задержат виновного, на всякий случай арестуют, как вы будете себя чувствовать?

– Аналогия на грани...

– А если подумать? – прервал инспектора Комаров. – Вы употребили власть вопреки закону. Сейчас же положите мне на стол пилотское свидетельство Богунца, и только после этого мы продолжим разговор.

– Вы мне не имеете права приказывать! – слегка растягивая слова, внушительно проговорил Гладиков.

Никто ему не возразил. Зажглась спичка над чубуком вновь набитой трубки. Вспыхнул огонек батуриной зажигалки. Еще спичка подожгла шершавый кончик «Примы». Комаров придвинул к себе какую-то книжку, начал ее перелистывать. Прошло минуты полторы. Инспектор чистил канцелярской скрепкой под ногтями и, как видно, не думал отдавать документ Богунца. Тогда Комаров поднял гладко выбритую голову, облитую синеватым светом из окна, встал.

– Разговор не состоялся, – сказал он и, обращаясь к Воевдину, спросил: – Вы сегодня улетае или заночуете?

– Так нельзя, Михаил Михайлович! Мы же прибыли не в бирюльки играть, а выполняем приказ. Давайте по-деловому. – Воеводин раздавил о край пепельницы вторую недокурную сигарету.

– Пилотское Богунца! – опустил кулак на стол Комаров.

– Эдвард Милентьевич, отдайте документ, не упрячьтесь, – решительно сказал Воеводин.

– Выполняю ваш приказ, старший инспектор. – И Гладиков вынул из кармана голубую книжку, передал ее рядом сидящему Донскому.

Тому не совсем ясной представлялась обстановка. Он мало знал о полете, не мог решить для себя, виноват или нет Богунец. Но неприязнь к Гладикову со стороны Комарова да и молчавшего Батурина чувствовалась остро. Видно, не раз «пересаливал» инспектор, если в общем-то покладистый Комаров так твердо стоял на своем. Донсков положил пилотское свидетельство на стол.

– Так-то лучше, – тихо сказал Комаров. – Богунец утром выполнил полет из Города в Нме в тяжелых условиях спасательного рейса. Конечно усталость сказалась на пилоте. Он отклонился немного в сторону и прошел над небольшой сопкой, обтекаемой ветром с огромной силой. На противоположном склоне поток ветра бросил его вертолет к земле. Богунец вырвал машину вверх, но колесом задел за карликовую березу и сорвал с обода покрышку. Вина здесь моя дважды, – Комаров говорил тихо и все старались не двигаться, чтобы услышать его. – Я взял Богунца на спасательные работы уставшим. В полете не увидел, а должен был заметить, как ведущий, что Богунец вышел из кильватера и отклонился к злополучной сопке... Рванный борт вертоплана полностью на совести непогоды. Никто на месте Богунца не смог бы уйти от удара судового крана, и наше счастье, что все так благополучно кончилось. Техники заделали пробоину. Инспекция словам не верит, поэтому я подготовил для вас необходимые документы. – Комаров показал ленты метеорологических самописцев и расшифрованную барограмму с вертолета Богунца. – Кстати, грозу в нашем районе зафиксировали метеостанции, и об этом явлении, очень редком в северных широтах, написано в сегодняшней газете. Все, о чем сейчас говорил, только более подробно, я изложил письменно. Николай Петрович, – обратился комэск к Батурину, – вы что-нибудь добавите?

– По существу дела – нет. Пользуясь присутствием старшего инспектора Воеводина, хочу сказать несколько слов в адрес его подчиненного Эдварда Милентьевича Гладикова. Немного статистики. За время работы инспектора Гладикова в нашем управлении мы сделали около трехсот спасательных полетов. Ни в одном из них Гладиков не участвовал. Его часто видели на базе около вертолетов, но никогда в воздухе. Может ли он быть компетентен в нашей работе?

– Об этом не вам судить, Батурин! – выкрикнул Гладиков.

– Еще немного статистики. За эти триста полетов командир, я, штурман и некоторые другие пилоты получили сорок три выговора по административной линии. Большинство из них организованы Гладиковым.

– Лично вам, Николай Петрович, парочку «организовал» и я, – улыбнулся Воеводин.

– Помню, Иван Иванович. Оба за дело... Моя статистика негативная, но я вынужден проанализировать эти цифры. И сопоставлять полезность работы с ее оценкой. Сорок три выговора нам дали за вывод к берегам шести сейнеров, за снятие с терпящих аварию судов более тысячи человек, из них пятнадцать моряков с норвежского танкера.

– И колокол сняли с того же норвежца, – указал сухим длинным пальцем вверх Комаров.

– За спасенных вы получаете большие денежные премии! – скороговоркой вставил Гладиков.

– Почему же вы, Эдвард Милентьевич, сами ни разу не попробовал заработать их? Мы получаем не только деньги. Мы получаем Благодарности и Грамоты. А насколько мне известно, вы постоянно стараетесь в глазах начальства обесценить нашу работу. Зачем? Для чего Вам это нужно, инспектор?

– Ложные сведения у вас, Батурин. И статистика ваша вредная! Я вынужден буду доложить об этом разговоре начальнику политотдела. У вас образовалось удельное княжество с анархистским уклоном. Свои заслуги пытаетесь раздуть, забывая, что это ваши повседневные обязанности, за выполнение которых щедро, я бы сказал, чересчур щедро вам платит государство. И нечего фанфаронить! – Гладиков даже прикрыл немного одутловатые веки, упиваясь сказанным. – Я пресекал и буду пресекать нарушения инструкций и руководящих приказов! Око инспектора – государственное око!

– Наша работа часто выходит из рамок инструкций. В этом сила эскадрильи.

– В этом ваша слабость, Батурин.. Если бы вы все продумывали, сообразуясь с инструкциями, не было бы критических положений и у Богунца. Сегодня Комаров прикрыл его, но не думайте, Михаил Михайлович, что спина у вас широка и неуязвима! Я пленку с магнитофона руководителя полетов арестовал. Послушать вас – ужас! Вы уже несколько лет нарушаете правила радиообмена, и почему-то никто за это не взыскивает! Что за «капитан», «художник», «кроха» летали? А в прошлый раз «таракан» какой-то был и мат!

«Можно было бы возразить инспектору, – думал Донсков. – Заставить вспомнить, хотя бы по кинокартинам, как велся разговор между летчиками в смертельных боях Отечественной. «Саша, прикрой, атакую!», «Колдун, у тебя «мессер» на копчике!», «Руби, мать твою перетак, чего медлишь!» Почему такой содом был в воздухе? Ведь по правилам радиообмена, которые они изучали на земле, фраза, например, должна была звучать так: «Тридцать первый? Тридцать первый? Я – восьмой. У вас на хвосте «мессер!» Три-четыре секунды звучало бы такое предупреждение, и «мессершмитту» хватило бы времени сбить нашего летчика. Острые моменты, нужда в быстрой подсказке возникали и в спасательных операциях. А в Гражданской авиации бортовые номера пятизначные. И смешно, если бы Комаров в критической ситуации, когда секунды решали исход, назвал бы дважды пятизначный номер вызываемой машины, потом свой, и лишь после этого приказ или подсказку. Куры бы смеялись над ним! А вот Гладиков грозит без улыбки. Доложит, и получит Комаров очередной выговор – ведь инструкция все-таки нарушается».

А Гладиков все пуще распалялся:

– Почему берете в полет собак? Почему у Руссова позавчера получился десятиминутный переналет дневной саннормы? Почему многие нарушают форму одежды? Ботинки коричневые...

– Вижу на вашей шее, Эдвард Милентьевич, галстучек в полоску. А положен черный, – язвительно вставил Батурин.

– Что-о? Я не...

– Прекратите, Гладиков! – повысил голос Воеводин, и добавил обращаясь к Комарову, – разговор становится чересчур нервным, может, закончим пока, поохолонемся?

– С удовольствием, Иван Иванович. Я только ему отвечаю, почему вертолеты называю вертопланами. Нравится мне так, Эдвард Милентьевич. Нравится, и все! Может себе позволить человек делать то, что ему нравится, если это не во вред людям? Пустячок, а приятно!

– Мне нравится девок целовать, но я же не бросаюсь к каждой встречной!

– Потому что боитесь получить по фотокарточке, – вставил Батурин.

– Фу, как грубо! – поморщился Гладиков.

Комаров ребром ладони стукнул по столу:

– Ладно! Хватит!.. Сегодня у Антоши Богунца день рождения. От его имени приглашаю вас обоих после рабочего дня на маленький сабантуй. Я и мои заместители будут у Богунца. А пока разрешите нам остаться, поговорить семейно.

Когда инспектора ушли, Комаров положил лоб на скрещенные ладони и долго молчал. Поднял голову, потер мешочки под глазами. Набил свежим табаком трубку.

– И все-таки разговор полезный, друзья. Особенно для вас, Владимир Максимович. Жизнь в ОСА немного проясняется?

– Чуть-чуть!

– Тогда позволю себе сказать, что посадочка на «флаг», которую вы отчубучили с Николаем Петровичем на тренировке, – о ней сейчас все говорят, – повысила вашу летную цену, авторитет же замполита не укрепился, боюсь, наоборот.

Глава вторая

VII

На полуостров пришло лето, похожее на весну средней полосы России, только без розовых зорь и ярких закатов. Парила земля, торопясь вытянуть зелень к солнцу. Над блескучими озерцами и болотцами зудела и вилась мошкара. С одной стороны круглосуточно висело солнышко, с другой – появлялась и исчезала белесая луна.

За день Донсков сильно уставал, а ложился в постель и не мог заснуть, одолевали навязчивые мысли. «Не зря ли небо копчу? Не к добру это – а? Старею, начинаю подводить итоги».

Движение по жизни ему представлялось похожим на скольжение по веревке с узлами. Ровный участок – живешь быстро, незаметно. Потом событие – узел. У Донскова первым крупным узлом была планерно-десантная операция в белорусские леса. А потом рейс к окруженным десантникам, откуда его с девочкой-санитаркой, впоследствии ставшей его женой, унес воздушный шар. Его друзья Михаил Кроткий и Борис Романовский ушли с десантниками через болота и топи пешком. За два дня рейда по тылам немцев ко времени перехода линии фронта из сотни осталось девять человек. Да и те до 1950 года числились пропавшими без вести. Но и этот узел развязало время.

Много людей хороших и разных встречалось на пути: об одних память хранятobelisks, другим посчастливилось выжить – теперь их достойно чествуют по большим праздникам, при воспоминании о третьих сжимаются кулаки. Во время войны ржа человеческая особенно была заметна. Имена стерлись в памяти – только напрягшись, можно восстановить события... Летчик по фамилии Костюхин, запаниковал в горячем ночном небе и в самой гуще зенитных разрывов над линией фронта отцепил от своего самолета-буксировщика десантный планер. На аэродром вернулся без троса и, страшась наказания, решил скрыть свое предательство. Ему помог в этом кладовщик планерной школы, совсем молодой парень Ефим Мессижник. Помог ради дальнейшего шантажа. Из летчика сделал слугу. Когда все открылось, Костюхина осудили. Ефим Мессижник скрылся. Уже после войны его пытался разыскать Борис Романовский, но...

Очень хотелось Донскову повидать Романовского и «поплакаться в жилетку»: трудно, Боря. Не могу найти ту печку, от которой должен плясать замполит...

На новом месте Донскову нравилось все. Компактный городок в окружении душистого ельника. Пернатое половодье в синем-синем небе. Чистота и порядок на аэродроме. А главное – люди, спокойные, немногословные, готовые на работу в любых условиях. Почти все они перекочевали сюда из центральных районов страны. Одни, чтобы найти место лучшего применения своим способностям. Другие – хорошо заработать. Наверное, есть и третьи...

Он уже видел саами в ярко-голубых и красных праздничных одеждах. Успел с некоторыми познакомиться. Трепал холки красавцев оленей. В их темных прекрасных глазах, ему показалось, таится скорбь и покорность мучеников. Удивлялся, что ни овса, ни сена, ни даже хлеба они не едят! Только ягель. Грибы.

Донсков услышал и записал одну из песен саами:

*...Солнце! Сегодня такое солнце!
Я смотрю на него.
И у меня за щекой
Тает кусочек оленьего жира!..*

Его поразило обилие собак в городке. Почти все с тяжелыми головами, переходящими прямо в тело, как у волков. Хвосты похожи на полено. Собаки почти не лают. Выражают чувства движениями тела и желтыми раскосыми глазами. Глаза могут темнеть от злобы, сиять и жмуриться от ласки. Они становятся пустыми при взгляде на чужого человека, если рядом хозяин. Они могут плакать от незаслуженной обиды. Собак здесь любят, как настоящих друзей. Ходят с ними даже на работу, летают. У инспектора по кадрам Ожникова есть даже прирученная россомаха. Ожников вызвал у Донского особое любопытство. Замполит много беседовал с людьми, самыми разными, чтобы раскрыть их для себя, понять если не каждого, то хотя бы тех, кто задает тон в городке. Ожникова встречал каждый день и не мог как следует рассмотреть его лицо: брови, усы, густая борода и копна полувьющихся волос (все черное с большой проседью) оставляли открытыми только губы, длинный нос и кусочек лба над ним. Матовый кусочек с бороздками тонких морщин и черные глаза.

Ожников профсоюзный бог в подразделении. Внештатный корреспондент областной газеты. И еще – масса общественных должностей. С кем бы ни начинал говорить Донсков, обязательно слышал его фамилию. Кто достал саамовскому колхозу полтонны дефицитного в тундре металлического уголка для нарт? – Ожников. Организовал соревнование за экономию горючего среди пилотов? – Ожников. Это топливо, сэкономленное, передали рыбакам, и на нем вышли в море сейнеры. На слете пионеров Заполярья Ожников сделал прекрасный доклад о своих друзьях, погибших в борьбе с горными егерями дивизии «Эдельвейс». Он же лично слетал в Мурманск и получил по безнадежному наряду триста метров батиста для яслей. Заодно обеспечил городок мандаринами. Его знают от Лапландского заповедника до Беломорских луд. Хватает же у человека времени и страсти на самые раз личные полезные дела. А сам бобыль! Беспартийный... Такие люди заслуживают особой благодарности. Донсков решил поговорить о нем в райкоме партии и со своим начальством из политуправления: энергию Ожникова неплохо бы применить еще более широко.

Правда, один раз замполиту пришлось огорчить Ожникова. Чем-то не понравилась инспектору по кадрам Наталья Луговая, и он решил послать ее работать на Черную Брам, отдаленную рабочую точку на руднике, где полетов много, а условия для жизни оставляют желать лучшего. Командир эскадрильи Комаров не согласился с ним. Разговор был при Донскове. А через неделю Донсков узнал, что Луговая все-таки едет на Черную Брам дублером второго пилота. Поинтересовался у Комарова, почему изменено решение. Командир ушел от объяснений. Донсков пошел к Ожникову. Тот показал приказ, подписанный Комаровым. Замполит взял приказ и снова пошел к комэску. Комаров обозвал его «настырным», но перечеркнул приказ синим карандашом от угла до угла. Даже надорвал бумагу. Когда замполит вернулся к Ожникову и отдал ему перекрашенный синим приказ, тот спрятал глаза.

– Думаю, вы больше не будете настаивать, Ефим Григорьевич? – спросил Донсков, пытаясь уловить взгляд Ожникова.

– Решение командира не подлежит обсуждению.

– Ну, вот и хорошо!

«Легко жилось, – думал он, – когда в руках был только штурвал, а рядом славные ребята из экипажа! А теперь... Время идет. Что сделал полезного?»

Кое-что он все-таки для ОСА сделал, хотя его за это пилоты ругали маленьким язычком: добился, чтобы все вертолеты были оснащены парашютами. Почему их нет в Гражданской авиации, знали все. Но ведь ОСА не транспортное подразделение. Пассажиров возят редко. Ребятам приходится летать при погоде (ветре, обледенении), когда нагрузки на машине критические, выше расчетных. Хрупнет винт и будет экипаж вместе с вертолетом крутиться до земли!

Кое-кто считал действия Донкова перестраховкой. Говорили даже: «Трусит замполит!» Привыкли ходить налегке, а теперь приходится таскать парашюты к вертолетам на горбу. Но Донков решил организовать еще и тренировочные прыжки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.